
Глава 14.

1908–1909 годы

В эти два года сказались первые ощутительные последствия произошедшего охлаждения Германии к России. Недовольство ее нами развязывало руки Австро-Венгрии для активной политики на Балканах. Габсбургская монархия приобрела уверенность, что Германия не будет препятствовать ей в действиях, нарушающих интересы России. С другой стороны, Австро-Венгрия знала, что не восстановившей еще своей военной мощи России после несчастной войны с Японией самой за себя не постоять. И вот новый министр иностранных дел Австро-Венгрии барон Эренталь, которого я хорошо помню еще в начале его большой карьеры советником австро-венгерского посольства в Петербурге (*потом он был у нас короткое время австро-венгерским послом*), задумал воспользоваться такою счастливою для Австро-Венгрии политической конъюнктурою, чтобы аннексировать находившиеся во временной оккупации Габсбургской империи Боснию и Герцеговину, отторгнутые Россией от Турции в войну 1877–78 гг.

Недостаточные, по несоответствию с понесенными жертвами, результаты для нас нашей победы в эту войну заставили И. С. Аксакова в публичной речи, подводившей итоги войны, прослезиться и ³обмолвиться горьким словом «одураченный победитель»^а. За это слово Ивану Сергеевичу пришлось на некоторое время порядочно отъехать от Москвы, где он сердился, прослезился и издавал свою *последнюю* газету «Русь»¹. Иван Сергеевич, однако, выражал господствовавшее русское общественное мнение. Мы не могли тогда переварить, в числе поставленных нам Берлинским конгрессом других тяжелых условий, передачу отвоеванных от Турции русскою кровью Боснии и Герцеговины во «временную» оккупацию Австро-Венгрии². Понятно, нам не могла улыбаться перспектива в данный момент окончательного закрепощения этих славянских земель за Австро-Венгрию *в явное издевательство над Россией*.

Извольский встретился в сентябре 1908 г. с бароном Эренталем в Бухлау. Австрийца отличал начинавшийся с половины лица под небольшим и острым носом и маленькими усиками огромный бритый подбородок. Подбородки столь необы-

---

^{а-а} Вписано вместо: «назвать императора Александра II «одураченным победителем»».

чайного развития являются, говорят, показателем повышенной волевой энергии. Русский министр, из польских выходцев, противопоставлял (так!) внушительному подбородку барона Эренталья расплывчатые черты славянского лица, отражавшие неустойчивость темперамента от польской заносчивости до польского же «падам до ног». Австриец предупредил русского, что будет аннексировать Боснию и Герцеговину. Русский только просил дождаться ответа на это заявление, который будет дан немедленно после доклада царю о намерении австрийца³.

Эренталь не дождался этого ответа. Вряд ли и обещал он Извольскому ждать. В начале октября последовал формальный акт об аннексии, одновременно с провозглашением Болгарии своей независимости от Турции⁴.

Зачем понадобилось Эренталю аннексировать Боснию и Герцеговину? Земли эти и без того были весьма прочно закреплены за Австро-Венгрией режимом «временной» оккупации. И известно, что нет ничего прочнее временных положений и институтов. Стремительно свалившееся потому, что оно было гнилое от рождения, «временное» правительство в 1917 г. в России в счет не идет, явившись тем исключением, которое только подтверждает общее правило. *Эренталь преследовал, по-видимому, личные цели. Он хотел отметить историческим актом дни своего управления австрийским Министерством иностранных дел, одержав над Россией эффектную при всей ее легкости дипломатическую победу.*

Однако Австро-Венгрия мечтала о захвате Сербии. Здесь-то и была зарыта собака. Империя видела в этом захвате, помимо экономических выгод, средство положить конец подогревавшемуся самим существованием самостоятельного сербского государства, *не говоря о непосредственном его враждебном воздействии*, сепаратическим тенденциям сербских народностей, входивших в состав Габсбургской монархии. С другой стороны, через Сербию Австро-Венгрия выходила к Салоникам и через них — к Средиземному морю. Аннексия Боснии и Герцеговины диктовалась Австро-Венгрии планом этой экспансии в качестве подготовительного этапа к его осуществлению. Захват Сербии не был бы прочен, если бы оставлялись родственные народности на режиме, хотя бы лишь номинальном, временной австрийской оккупации, а не владения по аннексии. Если же аннексировать Боснию и Герцеговину, то надо было это сделать Австро-Венгрии, как она и сделала, именно в данный момент, пользуясь временным ослаблением военной мощи России.

Сербия с объявлением аннексии пришла в сильнейшее брожение. Справедливо усматривая в этой мере угрозу собственной независимости, она стала готовиться к войне с Австро-Венгрией, в расчете, разумеется, на активную военную помощь России. Воинственный пыл охватил и маленькую Черногорию.

Нас ударили по нашему престижу. Мы стояли перед угрозой вящего его умаления в случае, если бы возгорелась война между Австро-Венгрией и балканскими славянами, и мы бы в эту войну не вступили. Но, только что выйдя из войны с Японией и революции, мы не могли воевать. Об этом категорически было заявлено военным министром Редигером в заседании Совета министров в присутствии царя в начале 1909 г.⁵ Оставалось только предотвратить войну между Австро-Венгрией и Сербией воздействием на последнюю и удержанием ее от вызывающих действий по отношению к Австро-Венгрии. Мы и прибегли к такому воздействию. Когда мы осведомили Сербию, что воевать не можем и не будем, пыл ее остыл.

По боснийскому вопросу мы апеллировали к *нашим друзьям* Франции и Англии, *любезно* обсудившим положение на конференции, которая, однако, вынесла по этому вопросу лишь платонические решения⁶. *Ничем реальным наши друзья этих решений не подкрепили.* Со значительным промедлением мы обратились к Германии. Она холодно ответила нам, что мы опоздали. Следовало начать переговоры с Берлина, а не тратить время на беседы через его голову с Парижем и Лондоном. И все-таки Германия способствовала в ту пору мирному разрешению кризиса. В то время, как мы настаивали на путь благоразумия *бесновавшуюся* Сербию, Германия рекомендовала всяческую сдержанность приступившей было к военным приготовлениям Австро-Венгрии.

* * * * *

В pendant^a к бухлауской встрече Извольского с Эренталем (в которую Извольский не победил) припоминается последовавшая вслед же за тем другая встреча — Извольского же с Греем в Лондоне⁷. В одном иллюстрированном журнале мне попался фотографический снимок этой встречи, изображавший обоих министров в беседе за письменным столом. Иллюстрация безжалостно устанавливала расстояния. Не два министра. А министр и проситель. Холодный эlegantный Грей с торсом, вытянутым в струнку, *точеными чертами классического правильного лица*, со скучающим видом слушает Извольского, глядя не на него, а под прямым углом в сторону. А сутулящийся, полусогбенный Извольский пожирает глазами начальство. Смотрит на Грея в упор, как бы стараясь уловить впечатление от своих слов на бесстрастном лице английского министра. *Характерная иллюстрация взаимоотношений. До каких унижительных мы дошли положений в нашей англо-французской ориентации.*

Отношения наши с Германиею вызвали беспокойство в собравшейся в 1908 г. третьей Государственной думе. Извольскому пришлось выступить в ней с успокоительными заверениями о том, что «русская политика не имеет острия против Германии»⁸. Забавное и не совсем по-русски построенное «заверение». Не дающее притом исчерпывающего ответа на вопрос об отношениях между сторонами. «Не имеет острия»? Надо полагать, что этим давалось понять об отсутствии в ту пору у России каких-либо злых умыслов против Германии. Но ведь этим освещалась лишь одна сторона отношений. Ничего не было сказано о том, как реагировала Германия на эту самую не имевшую против нее острия русскую политику. Как относилась к тому, что помимо вящего укрепления (после аннулирования Биоркского договора) своего союза с Францией, находившиеся в весьма натянутых отношениях со своим восточным соседом, Россия еще сблизилась с Англиею в момент сильнейшего обострения соперничества последней с Германиею, когда Англия искала всяких способов и путей, чтобы сломить свою соперницу. Вряд ли такая политика России приходилась по нраву Германии. И не исключена была как будто возможность, что если Россия и «не имела острия против Германии», то Германия «имела острие» против России за ее политику, направленную, в конце концов, хотя бы и без «острия», но против

^a Здесь: дополнение.

Германии, в укрепление противных Германии течений. Эту сторону вопроса Извольский обошел. И Дума, не вдумавшись в несоответствие ответа заданному вопросу, легкомысленно успокоилась на успокоительном «заверении» министра иностранных дел. Припоминается остроумная характеристика, данная Думе Владимиром Ивановичем Ковалевским: «Бездумная дума!».

Да, она была бездумная. Влилась в нее незадачливая поместная земская Россия — те самые люди, которым либо школа, либо служба не задалась. И осели они на земле лишь потому, что не могли урвать лучшего жребия, каковым мнилась им, по понятиям их и традициям, чиновничья либо военная карьера. Влились и беспочвенные говоруны из городских общественных управлений. Недюжинные люди были в ничтожном меньшинстве. И те поражали проявленным ими непониманием переживавшейся обстановки — Милюков, Шингарев, Василий Маклаков, Шулгин, Пуришкевич, Кутлер, переводумцы Муромцев, Максим Ковалевский, Кузьмин-Караваев, Петрункевич, Винавер. Едва ли, пораздумавши, можно причислить к недюжинным людям убежденного, как он себя называл, «конституционалиста» А. И. Гучкова. Он брал только смелым и *наглым* темпераментом, никогда не доводя, однако, дела до конца и «смываясь», как только перед его натиском вырастали сколько-нибудь трудно преодолимые преграды. Заварив кашу круто и напористо, он предоставлял расхлебывать ее смене. А сам отходил в поисках других авантюр. Нельзя назвать недюжинными ни мягкотелого, ленивого славянофила по традиции Н. А. Хомякова, ни самовлюбленного, неумного, слонообразного М. В. Родзянко, ни талантливое, но совершенно беспочвенное оратора, неизменно бывшего на взводе, Ф. И. Родичева, ни декоративного Стаховича, имевшего относительный успех в качестве политического деятеля преимущественно в дамских салонах, ни, наконец, приобретшего себе скандальную известность неумеренно правыми выступлениями чрезвычайно плохо воспитанного Н. Е. Маркова, смахивавшего на Петра Великого, разжалованного в мещане. Дальше шли посредственности без всякого колорита. И ниже посредственностей надо поставить истеричного молодого человека или, вернее, по внешности *недоразвившегося* дегенеративного недоноска с некрасивым геморроидальным лицом А. Ф. Керенского⁹. Это был «левый». Настоящие левые по тактическим соображениям в Думу не пошли. Попали «керенские». Но до чего он был смешон и жалок, этот истеричный дегенерат. Помню первую встречу с ним, значительное, однако, время спустя после описываемых событий в бюджетной комиссии Государственной думы. Проходил какой-то совершенно пустяковый вопрос вроде учреждения для какой-то окраины дополнительного штата двух-трех полицейских урядников. Встает небольшого роста геморроидальный юноша с блуждающими сумасшедшими глазами и, бия себя в грудь, с места начинает истерически вопить. «Кто это?» — спрашиваю я соседа. — «Керенский». Разошедшийся недоносок грозит пальцем представителям правительства. Схватывается за сердце. Качается, подавленный захватывающим его дух негодованием. Он близок к обмороку. Становится жалко истеричного молодого человека и неловко за него, ужасно неловко — до такой степени не соответствует обсуждаемому ничтожному вопросу его стоградусный пафос. До обморока он на этот раз не дошел. В обмороки стал впадать впоследствии, когда ^апопал в «правители» России^а.

^{а-а} Вписано вместо: «в России, которою одно время правил Тушинский вор, попал в правители А. Ф. Керенский».

* * * * *

Извольский задумал реформировать штаты центральных учреждений Министерства иностранных дел. Ему захотелось присвоить политическим частям этих учреждений устройство канцелярий посольств в составе секретарей разных рангов с советниками во главе¹⁰. Этим он полагал, помимо удобства распределения и прохождения дел, облегчить постоянный сменный переход служащих из заграничных установлений ведомства в центральные и обратно. Последнюю же меру имелось в виду, с одной стороны, устранить нежелательную оторванность заграничных чинов от отечественного центра, а с другой — восполнить вредный для дела пробел, заключавшийся в незнакомстве центральных чинов с условиями заграничной службы. Канцелярия министерства уже издавна была устроена по образцу канцелярий посольств. Оставалось преобразовать Первый, бывший Азиатский департамент, разбив его на три политических отдела: Ближнего Востока, Средней Азии и Дальнего Востока и придав каждому отделу устройство канцелярии посольства. Попутно реформировались частично департаменты Второй и личного состава и хозяйственных дел; учреждался Юрисконсультский отдел и преобразовывалась в Отдел печати Газетная экспедиция. Для соображения проекта реформы была образована комиссия под председательством товарища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова. Были приглашены для участия в ее работах представители заинтересованных ведомств — Министерства финансов, Государственного контроля и «собственной его величества» канцелярии. Проект намечивался. Но некому было писать проект, придать ему форму убедительно мотивированного представления в законодательные учреждения. Не нашлось в составе Министерства иностранных дел лица, знакомого с законодательной работою. Раньше проводились пустяки, и с ними кое-как справлялись вице-директор Муромцев и глухой и косноязычный камергер Казнаков. Теперь предстояло представить генеральную, большую реформу, да еще впервые в такую критически относящуюся к правительству законодательную палату, как Государственная дума. Для этого был нужен специалист. Директор Департамента личного состава барон К. К. Буксгевден, отчаявшись найти специалиста в ведомстве, стал его искать на стороне. Мой приятель, вице-директор Второго департамента В. А. Березников напомнил барону обо мне. Барон обрадовался. Я был не только специалистом, но еще служил ранее в Министерстве иностранных дел и продолжал вести его «Сборник консульских донесений». Выходило так, что специалист нашлся «почти» в собственной среде, хотя и был начальником отделения чужого ведомства — Министерства финансов.

Так как уходил Казнаков, то барон Буксгевден пригласил меня совсем перейти в Министерство иностранных дел на должность Казнакова, оставив Министерство финансов. Но в ту пору Вишняков мне еще не надоел и не надоел настолько, чтобы я задумал уходить из-за него из Департамента окладных сборов, к которому привык, наладив в нем свою работу и сотрудничая по законодательным делам, ввиду необычайной лени Вишнякова, через его голову непосредственно с Н. Н. Покровским. К тому же я был близок в Министерстве финансов к вице-директорскому посту. Я отказался поэтому от предложения барона Буксгевдена. Тогда он стал меня просить взять на себя частным образом составление записки по проекту изменения положения и штатов центральных

учреждений Министерства иностранных дел, приняв участие в заседаниях комиссии по соображению этого проекта. На место же Казнакова просил рекомендовать кого-либо из бывших моих товарищей по Государственной канцелярии, так как было признано необходимым заместить вакансию Казнакова во всяком случае специалистом по законодательным делам. На эти просьбы Буксгевдена я согласился. Взялся написать законопроект и для этого участвовать в заседаниях комиссии. На место же Казнакова рекомендовал согласившегося на переход в Министерство иностранных дел бывшего моего сослуживца по Государственной канцелярии Михаила Сергеевича Неклюдова.

В Чарыкове, большеголовом, маленьком человечке с некрасивым калмыцкого типа лицом и тонкими опущенными книзу усами, я без труда узнал раненого в турецкую войну гусара с рукою на перевязи, которому в 1878 г. за обедом у моей тетушки О. И. Батуриной тетушка и моя мать поочередно нарезали кушанья в тарелке. Он вежливо благодарил и что-то такое рассказывал, работая вооруженною вилкою здоровою рукою. Я любовался его гусарскими жгутами и восхищался его геройством. Тому прошло более 30 лет. Сейчас обе руки Чарыкова были здоровые. И на героя он не походил.

В комиссии под председательством Чарыкова принимали участие: барон К. К. Буксгевден, А. А. Нератов, Е. А. Плансон, А. А. Савинский, А. К. Бентковский, М. И. Муромцев, заведовавший Газетной экспедицией Соловьев¹¹ и др. От Министерства финансов присутствовали вице-директор Департамента государственного казначейства В. В. Кузьминский и начальник отделения того же департамента П. М. Гришкевич-Трохимовский, от Государственного контроля — бывший мой принципал, в то время помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Яковлев и старший ревизор Сакович, от таневской канцелярии — кто-то из старших ее чиновников.

Мне пришлось выше отметить, что вследствие своеобразного ведомственного воспитания чины Министерства иностранных дел в значительном их большинстве страдали незнанием общего законодательства страны. Поэтому они не понимали отстаивавших нормы этого законодательства представителей других ведомств. Последние же, чуждые порядков весьма специальной, ни на какую другую не похожей дипломатической службы, не понимали чинов Министерства иностранных дел. Получалось впечатление, что сошлись существа, свалившиеся с разных планет и не находившие общего языка. На этой почве в комиссии происходило немало курьезов. Обсуждение реформы протекало медленно и тяжело. После первого же заседания ко мне подошел потерявший голос от горловой чахотки представитель Государственного контроля Яковлев и, наклонившись, прохрипел: «Совсем особенные люди. За всю жизнь я подобных людей не встречал».

Как бы то ни было, комиссия кое-как формулировала согласованные с представителями ведомств свои пожелания. Руководителям отдельных частей министерства было поручено составить по каждой части мотивированные записки о круге дел и желательных преобразованиях, придерживаясь общих заключений комиссии. Материал этот должен был быть передан мне, и лишь по его получении мне предстояло приступить к составлению ожидавшегося от меня законопроекта. Комиссия заседала весною 1909 г. Материал, недостаточно все-таки обстоятельный и потому потребовавший дополнительных переговоров и справок,

я получил только в начале зимы. Работу все же закончил до конца года. Барон Буксгевден мне сообщил, что Извольский, вообще требовательный и капризный, остался моею запискою доволен. Он быстро провел ее через Совет министров и в начале 1910 г. внес в Государственную думу.

* * * * *

По службе моей в Министерстве финансов на меня навалилась работа по участию в ряде комиссий. Самую громоздкою была комиссия при военном ведомстве под председательством глубокого старца Нестеровского, бывшего долгие годы управляющим канцеляриею туркестанского генерал-губернатора. Намечалась общая реформа управления Туркестанского края, затрагивавшая все части государственного управления¹². Поэтому в комиссию влились представители всех ведомств. Заседали в обширном зале в здании Главного штаба, выходявшем на Дворцовую площадь. Работать по этой комиссии мне пришлось много. Большинство вопросов соприкасалось с вопросами финансовыми. К тому же видное место занимала реформа местного налогового обложения. Как представителю финансового ведомства, которого теребили на каждом заседании, мне приходилось к каждому же заседанию готовиться, прочитывая по печатному проекту реформы очередные статьи, формулируя по ним замечания, соображая, какие могут быть мне заданы вопросы по этим статьям, наводя по ним справки в соответствующем законодательном материале и т. д. В комиссии я встречал энергическую поддержку моим замечаниям со стороны представителя Министерства юстиции, члена консультации этого министерства Алексея Александровича Живковича. Поддерживал меня и представитель Министерства внутренних дел, член совета министра, бывший некоторое время помощником петербургского градоначальника Владимир Эдуардович Фриш. От Министерства иностранных дел встретил в комиссии заведовавшего делами Средней Азии Василия Оскаровича Клемма. Заседали мы почти два года. Высказали массу полезных мыслей. Исписаны были по нашим замечаниям целые фолианты протоколов. Рассмотрели, по крайней мере, три четверти проекта. И все-таки комиссия не была доведена до конца. Занятия ее были прерваны, и труды положены на полку. Предполагалось пересмотреть реформу закона в связи с результатами намеченной сенаторской ревизии Туркестанского края.

Работал я и в комиссиях по Главному управлению по делам местного хозяйства под председательством надменно-глупого начальника этого управления С. Н. Гербеля, фигурю немного смахивавшего на С. Ю. Витте. Заседал и под председательством не в пример Гербелю симпатичного и любезного помощника его Н. Л. Пшерадского. Обсуждалась реформа городского положения в губерниях Царства Польского¹³. Был я, наконец, назначен представителем финансового ведомства в какое-то постоянное совещание при Земском отделе Министерства внутренних дел, собиравшееся, к счастью, довольно редко.

Пришлось мне заседать и в финансовой комиссии Государственной думы — то в качестве сопроводителя начальства, а то и одному. Помню, как однажды, когда я оказался в думской комиссии один, защищая мною же составленный проект положения о налоге с недвижимых имуществ в уездных поселениях, с за-

мечаниями против проекта выступил присутствовавший в заседании в качестве члена Государственной думы Н. Н. Кутлер, великий знаток и практик налогового дела, поскольку начав службу с податного инспектора, он ее проходил по налоговой линии вплоть до должности директора Департамента окладных сборов. Следует при этом иметь в виду, что Кутлер был талантливый человек и в налоговом деле считался авторитетом. Я испугался, считая проект похороненным. Предвидел злорадство Вишнякова: потому — скажет он — провалили проект, что слаб был защитник. Одно обстоятельство спасло проект. Кутлер стал возражать не по убеждению, что проект плох и не нужна проектируемая мера, а потому, что выступил от кадетской фракции, оппозиционной по всякому поводу в силу ее тактики. Неправый в своем выступлении по существу, а потому неискренний, Кутлер приводил против проекта возражения исключительно слабые. Поэтому в предоставленном мне слове, несмотря на то, что по сравнению с Кутлером я был в налоговом деле, что называется, мальчишка и щенок, мне удалось разбить доводы этого крупного налогового специалиста *в пух и прах*. Кутлер не возвращался к высказанным им соображениям против проекта. Мои доводы в его пользу были признаны убедительными. И комиссия приняла проект.

* * * * *

Николай Николаевич Покровский расхворался. У него протекал какой-то процесс в легких при высокой температуре. Болезнь не поддавалась лечению из-за ослабления организма вследствие переутомления. Между тем, был назначен к рассмотрению в общем собрании Государственной думы прошедший через финансовую ее комиссию наш большой законопроект о реформе налога с городских недвижимых имуществ¹⁴. Защищать проект должен был министр или его товарищ. Так как Коковцов был совершенно не в курсе налоговых реформ, полностью предоставив проведение их Н. Н. Покровскому, то последний, несмотря на болезнь, решил поехать в Думу. Просил меня его сопровождать, чтобы помочь в защите проекта подсказом соответствующих соображений в ответ на заслушанные прения. Мы отправились и засели в министерскую ложу, в которой застали в тот день из других представителей правительства одного только помощника морского министра Григоровича (ставшего впоследствии министром). Н. Н. крепился. Но чувствовал себя, по-видимому, настолько плохо, что жалко было на него смотреть. А между тем до нашего дела Дума не доходила. Шли валом мелкие дела, так называвшаяся законодательная вермишель, ни нас, ни Григоровича не касавшаяся. Так дело шло до перерыва. Покровскому становилось все хуже. В перерыв пошли пить чай с Григоровичем в министерский павильон. Здесь, вне напряженной атмосферы думского заседания, в непринужденной беседе с красивым и занимательным стариком-адмиралом Николаю Николаевичу стало легче. «Какая может быть у вас температура?» — спросил я его. «А вот посмотрим, — ответил Н. Н., — я захватил градусник». Подержал его Н. Н. сколько полагается, и градусник показал около 39°. Вот какова была синекюра высокопоставленных бюрократов, о которой любили говорить малоосведомленные небюрократы¹⁵. И вот как, в частности, смотрел на свою службу Н. Н. Покровский, *готовый, казалось, из гроба встать на при-*

зыв служебного долга. После перерыва Государственная дума сразу приступила к нашему законопроекту. Выступали с трибуны многие и говорили много. Н. Н. слушал внимательно, отмечая карандашом на бумажке существо каждого возражения. Выступил и Н. Н. Кутлер с довольно бестактной критикой проекта, который сам выдвигал в недавнюю сравнительно бытность его директором Департамента окладных сборов. На это выступление Кутлера отвечал с трибуны В. М. Пуришкевич. Он заявил, что вынужден констатировать аналогию между атакою законопроекта Кутлером и поведением героя известной крыловской басни, подрывавшего корни дуба¹⁶. Ведь Кутлер вышел в люди, работая над им же в настоящее время опорочиваемой системою обложения. Весьма еще недавно он считал ее и целесообразною, и правильною. После значительно затянувшихся речей других думских депутатов попросил слова Н. Н. Покровский и, взойдя на трибуну, совершенно больной, едва держась на ногах, в речи, продолжавшейся более часа, блестяще опроверг все высказанные возражения твердым, ясным голосом, крепнувшим по мере развития его соображений, убедительно и со спокойным достоинством отстаивая все подвергавшиеся критике положения законопроекта. И законопроект значительным большинством собрания был принят, за ничтожными поправками, не имевшими значения существа. Мы уехали. Когда Н. Н. вернулся домой, он свалился в постель, и температура прыгнула почти до 40°. Болезнь ухудшилась. Не желая лишаться нужного ему сотрудника, Коковцов устроил Николаю Николаевичу требовавшуюся врачами поездку на Ривьеру, выхлопотав пособие на дорогу и лечение. Н. Н. уехал с женою в Ниццу, откуда вернулся значительно поправившимся благодаря, главным образом, тому, что основательно и в наилучших климатических условиях отдохнул.

* * * * *

В числе поставленных на очередь законопроектов мне пришлось разрабатывать проект положения о налоге с богарных земель в Туркестане¹⁷, в котором я никогда и не был, и о хозяйственных условиях которого имел лишь книжное, неживое представление. Чтобы не попасть впросак, я просил вызвать в Петербург для сотрудничества со мною в предстоявшей работе кого-либо из туркестанских податных инспекторов, выбрав наиболее близко присмотревшегося к условиям края, наиболее сведущего и дельного. Мы написали управляющему Туркестанскою казенною палатою Ипатову. В результате недолгое время спустя в мой служебный кабинет *стремительно* вкатился, раскачиваясь на коротких толстых ногах, с приветливою улыбкою под ласково смеющимися серыми глазами и добродушным картофельным носом небольшой коренастый человек, отрекомендовавшийся Александром Александровичем Фреем. Он, оказалось, в совершенстве знал свой Туркестан, попав туда сразу после отбытия по окончании университета воинской повинности в гвардейской, как он мне подчеркнул, конной артиллерии. И прекрасно знал богарные земли, места их расположения, условия обработки, урожайность и т. д. Он привез с собою богатый статистический материал об этих землях. Из беседы с Фреем я убедился, что вижу перед собою того самого человека, который мне нужен, притом человека симпатичного, с которым будет

приятно работать. Работу мы наладили. Я просил Фрея выработать ставки обложения по установленной совместно с ним схеме. А на себя взял изложение текста соответствующего представления в Государственную думу. По этой работе приходилось встречаться часто. Фрей неоднократно заходил ко мне на квартиру. Много рассказывал о близкой к его семье артистке Комиссаржевской. Впоследствии она и скончалась у него и у его жены на руках в квартире А. А. Фрея в Ташкенте. Она была известна в качестве выдающейся драматической артистки. Но я хорошо помнил еще ее вокальные эстрадные выступления вместе с ее отцом, известным в свое время тенором Императорской оперы, и ее сестрою. Выступления эти сопровождались значительным успехом. В неторопливых дружеских беседах Фрей весьма красочно рисовал мне Туркестан. Нарастали образы и картины настолько живые, что, казалось, пронеслись воспоминания виденного и пережитого. Возвращаясь к входившим в круг моих служебных занятий вопросам о Туркестане, я перестал представлять его себе отрезком географической карты Средней Азии. Стал ощущать живую страну загадочного, чарующего Востока, с которым, между тем, пришлось познакомиться на другой далекой окраине лишь много лет спустя. Беседуя о Туркестане, Фрей мне говорил, что настолько обжился в нем, что не мыслит с ним расстаться и вернуться в Европейскую Россию. Об одном мечтает, основательно засидевшись в податных инспекторах, это о том, чтобы быть при случае назначенным на *поставленную одним лишь классом выше* и немного лишь лучше оплачиваемую более спокойную должность члена Совета туркестанского генерал-губернатора от финансового ведомства. Случилось, что эта должность освободилась к моменту окончания нашей совместной работы. Сославшись на полезное участие в ней А. А. Фрея, я настоятельно просил Н. Н. Покровского провести его в совет генерал-губернатора. Н. Н. исполнил эту просьбу. Надо было видеть радость милейшего А. А. Он запомнил мне оказанную услугу. И долгое время из своего далекого солнечного Туркестана писал мне. Я, конечно, отвечал. Но так как все на свете кончается, то и переписка наша как-то внезапно оборвалась.

* * * * *

В описываемые годы произошло несколько перемен в Совете министров. После заявления Редигера по случаю боснийского конфликта с Австро-Венгрией о нашей неготовности к войне Редигер был уволен, и на его место назначен генерал В. А. Сухомлинов, бывший перед тем начальником Генерального штаба, а ранее киевским генерал-губернатором¹⁸. Должность морского министра после Бирилева занял адмирал Диков, остававшийся, однако, в этой должности недолгое время. Его сменил адмирал Воеводский. На место ушедшего с должности главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова был назначен А. В. Кривошеин, бывший начальником Переселенческого управления Министерства внутренних дел, а потом управляющим Дворянским и Крестьянским поземельными банками в должности товарища министра финансов, ловкий карьерист и столь же искусный в бюрократической интриге, что и В. Н. Кокцов, но более способный и в большей степени государственный деятель, чем он. Сочувствовавшего лишь просвещению, но чуждого ему Кауфмана сменил

Шварц, заядлый классик, бывший одно время директором 5-й московской гимназии, учеников старших классов которой доводил до такой степени классического совершенства, что они свободно говорили по-латыни. Министр народного просвещения получился все-таки более компетентный, нежели Кауфман. Министром путей сообщения был назначен С. В. Рухлов, бывший статс-секретарь Государственного совета, потом товарищ главноуправляющего торгового мореплавания и портов. Скоропостижно скончавшегося в расцвете сил министра торговли Д. А. Философова заменил наш старый знакомый И. П. Шипов, бывший министром финансов в кабинете Витте. Государственным контролером после Шванебаха был назначен еще в 1907 г. член Государственного совета, бывший товарищ государственного секретаря П. А. Харитонов.